

Завершая анализ и оценивая свой труд, профессора Ольбрыхт и Сенгалевич констатировали: «Мы считаем, что показали достаточно много пробелов, ошибок и неточностей, чтобы можно было признать утверждения, сделанные немцами в публикации «*Amtliches Material zum Massenmord von Katyn*» как материал, не выдерживающий точной научной критики, а тем самым признать его обладающим слишком большим пропагандистским характером. Делая такой вывод, мы использовали только точные предметные рассуждения, не позволяя ни одному чувству увлечь себя, памятуя, что все чувства всегда являются врагами трезвого мышления» (Л.36). Достойное завершение сложной работы, огромную моральную и политическую ответственность, за результаты которой они прекрасно осознавали.

Публикуемый документ — «Судебно-медицинский отзыв» профессоров Ольбрыхта и Сенгалевича — будет полезен для всех, кто желает действительно разобраться в истории Катынской трагедии.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность за большую помощь в подготовке документа к публикации Лагно Анне Романовне.

* * *

Публикация производится с официально заверенной копии, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Перевод текста с польского языка на русский и примечания к переводу подготовлены Анной Романовной Лагно.

Лагно А. Р.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ДОКУМЕНТА

Для оценки публикуемого документа важно иметь определенное представление о людях, взявших на себя труд анализа одного из важнейших документов по истории Катынской трагедии. Ниже публикуются краткие биографические справки на Я. С. Ольбрыхта и С. Л. Шиллинг-Сенгалевич, подготовленные переводчиком публикуемого документа А. Р. Лагно.

Ольбрыхт Ян Станислав (Olbrycht Jan Stanisław). 6.05.1886 Захутынь (Саноцкий повят) — 18.01.1968 Краков. Окончил классическую гимназию в Бохне (до 1904 г.), учился на медицинском факультете Ягеллонского Университета (1904–1911), с 1911 по 1912 гг. проходил судебно-медицинскую практику в гарнизонном госпитале в Кракове, также учился в Вене (1913) и Берлине (1913–1914). С 1921 г. — доцент кафедры Судебной ме-

дицины Ягеллонского Университета, с 1923 по 1950 г. — профессор кафедры Судебной медицины Ягеллонского Университета и с 1950 по 1962 г. Медицинской Академии в Кракове. В этих учебных заведениях Ян Ольбрыхт читал лекции по судебной медицине, по технике судебно-медицинского вскрытия и судебно-медицинской врачебной экспертизе. Является автором около 120 работ.

С 1931 г. — член-корреспондент Польской академии наук (PAU¹), с 1958 г. — действительный член Польской академии наук (PAN), доктор *honoris causa* Ягеллонского Университета (1962).

Во время Первой мировой войны Ольбрыхт служил в конной артиллерии, в 1919–1921 гг. — в Войске Польском в должности майора. Во время второй мировой войны, после ареста большинства профессоров Ягеллонского университета, от немецких властей он получил назначение на должность судебно-медицинского эксперта при Институте судебной медицины (6.11.1939). В июне 1942 г. Ольбрыхт был арестован, а 13 июля его отправили в концлагерь Освенцим, где поместили в блок № 11, так называемый «блок смерти» (он получил лагерный номер 46688). В концлагере работал в больничной аптеке. Во время пребывания в Освенциме сотрудничал с лагерным движением сопротивления, пытался сохранить жизнь заключенным, лечил их, помогал перебираться в менее опасные блоки лагеря. 18 января 1945 г. был перевезен из Освенцима в Маутхаузен, а спустя 5 месяцев освобожден войсками союзников, после чего вернулся в Краков и занял свое прежнее место работы руководителя Отделения судебной медицины в Ягеллонском университете.

После окончания Второй мировой войны Ян Ольбрыхт являлся экспертом Международного военного трибунала, выступил как эксперт в судебном процессе над гитлеровским губернатором Варшавы Л. Фишером, шефом т. н. правительства Генерального Губернаторства Я. Бюхлером и эсесовским коллективом концлагеря в Освенциме. В декабре 1947 г. предоставил подробный отчет на тему быта людей в концлагере Освенцим, привел детальную информацию, касающуюся смертности, а также описал различные способы убийства заключенных, практиковавшиеся в концлагере. Также Ольбрыхт выполнил высококласный анализ идеологии национал-социализма, преступных псевдонаучных практик немецких врачей и проблемы уничтожения народов. Сотрудничал с Главной Комиссией Исследований Немецких преступлений в Польше и руководил Комиссией Судебной медицины научного совета при Министерстве здравоохранения (1952–1958).

В 1965 г. были опубликованы его воспоминания «Из жизни в лагере» (*Z przeżyc obozowuch*) и в 1968 г. «Жизнь судебного медика во время гитлеровской оккупации и после освобождения в делах с ней связан-

¹ PAU Polska Akademia Umiejętności — Польская академия наук до 1951 г.

ных» (Prze ycia medyka sądowego w czasie okupacji hitlerowskiej oraz po wyzwoleniu w sprawach z nią związanych).

Ян Ольбрыхт считался одним из самых лучших судебных медиков в Европе XX в., международную славу ему принесли исследования, изложенные им в книгах «Экспериментальные исследования и критика патогенеза смерти от ожогов» 1920 г. («Studja eksperymentalne i krytyczne nad patogenezą śmierci z oparzenia») и «Исследования жировой эмболии легких...» 1922 г. («Badania nad zatorami tłuszczowymi płuc...»). Особый авторитет он имел в вопросах, касающихся исследований вещественных доказательств, классификаций повреждений тела, оценок врачебных ошибок, исследования умственного состояния и т. п.

Ян Ольбрыхт был гуманистом и альтруистом, очень работоспособным ученым, замечательным педагогом, часто бывал строг, но любил и пошутить. В судебном зале и в дискуссиях с коллегами он выражал свое мнение смело и открыто, иногда с определенной брутальностью, но всегда с большой страстностью и уверенностью в себе. Он считал, что смыслом работы ученого является поиск правды и служение правде настойчиво и без компромиссов.

Шиллинг-Сенгалевич Сергиуш Леонард (Schilling-Siengalewicz Sergiusz Leonard). 17.04.1886 Романов (возле Львова) — 28.11.1951 Познань. Окончил гимназию в Бережанах и Тернополе (до 1907), учился на медицинском факультете во Львове (1907–1912), также учился в Берлине (1912–1914) и в Национальном институте медицинских исследований (National Institute for Medical Researches (Hampstead)) (1923). Доцент судебной медицины и токсикологии Львовского университета (1923). Написал около 50 работ. С 1947 г. — член-корреспондент Польской академии наук (PAU).

Во время Первой мировой войны Шиллинг-Сенгалевич был медицинским советником австрийской армии (1914–1915). После сдачи Перемышля, где он служил, в 1915 г. попал в плен к русской армии. Сначала находился в тюрьме в Омске, откуда спустя 8 месяцев был переведен в Иссык-Куль в Киргизии, где руководил небольшим госпиталем. В 1918–1920 гг. был ординатором отделов госпиталя Американского Красного Креста в Томске и Иркутске. Затем до июля 1944 г. жил в Вильно, нерегулярно работал просектором Городской больницы и занимался переводом с английского языка работы китайского философа Ли Ю Танга «*The Importance of Living*» (1937). В 1944 г. власти Крайовой Рады Народовой предложили ему пост министра здравоохранения, который он, как человек абсолютно аполитичный, отклонил. С конца 1940-х гг. являлся членом научного совета при министре здравоохранения.

После Второй мировой войны Шиллинг-Сенгалевич основал кафедру судебной медицины в Люблине, Гданьске и Познани. Он являлся одним

из первых польских токсикологов. Одно из его наиболее важных достижений — создание в стенах кафедры судебной медицины Университета медицинских наук в Познани первого научного центра промышленной токсикологии в Польше.

Биографические очерки составлены на основе следующих статей: Biogramy uczonych polskich. Część VI: Nauki medyczne. Zeszyt 2: М — Z. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991. S. 94–98, 200–202 и *Lisiewicz J., Knapik J. M. Olbrycht Jan Stanisław* // Polski Słownik Biograficzny. T. 23/4. Zeczyt 99. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. S. 720–722.

«СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ОТЗЫВ» НА ГЕРМАНСКИЙ «ОФИЦИАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ О КАТЫНСКОМ УБИЙСТВЕ» («AMTLICHES MATERIAL ZUM MASSENMORD VON KATYN»)

Документ подготовлен профессорами судебной медицины докторами **Я. С. Ольбрыхтом** и **С. Сенгалевичем**. Перевод и комментарии **А. Р. Лагно**.

Судебный медик проф. др. Ян Ольбрыхт
Краков, Аллея Словацкого 16.
Телефон 148-08

Краков, 12 декабря
1945 г.

№ II по спец. делу 314/45.

Прокурору специального
уголовного суда
в Кракове¹.

Согласно письму от 12 ноября 1945 г. № II по спец. делу 314/45¹ об издании обоснованного письменного отзыва о том, выдерживают ли критику с точки зрения науки, а именно с точки зрения судебной медицины, утверждения, содержащиеся в издании «*Amtliches Material zum Massenmord von Katyn*», а также в результате проведенного расследования, после изучения доставленных нам публикаций, а также актов расследования и приложений к актам расследования, пересылаем следующего содержания

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ОТЗЫВ

В 1943 г. немецкое бюро пропаганды по распоряжению немецкого министерства иностранных дел издало в Берлине книгу под названием «*Amtliches Material zum Massenmord von Katyn*». В этой книге был собран материал, призванный доказать, что массовое убийство польских офицеров в Катynie

¹ Письмо от прокурора Р. Мартини. — *Прим. пер.*

было совершено советским НКВД весной 1940 г. Основную часть этой книги составляет протокол немецкого судебного медика, профессора судебной медицины Вроцлавского¹ университета доктора Герхарда Бутца², а также протокол Международной медицинской комиссии (с. 38–135). Утверждение, что массовое убийство в Катыни было совершено советским НКВД весной 1940 г. основывается, во-первых, на показаниях свидетелей, во-вторых, на документах, письмах, газетах, записках и т. п., которые были найдены при трупах, в-третьих, в результате исследований останков убитых.

Что касается первого пункта, т. е. показаний свидетелей, то мы должны подчеркнуть, что показания свидетелей только тогда относятся к компетенции судебного медика, когда возникают сомнения в умственном состоянии свидетеля, когда появляется подозрение можно ли основываться на показаниях свидетеля вследствие того или иного его психического состояния. Кроме того, оценка достоверности свидетельских показаний и ценности этих показаний входят в компетенцию суда, а не судебных медиков. Поскольку эти вопросы не относятся к нашей компетенции, отметим следующее. В первую очередь следует подчеркнуть, что с точки зрения судебной медицины и согласно результатам современной экспериментальной психологии, показаниям свидетелей вообще не следует приписывать окончательного, а тем более решающего значения. Если не принимать во внимание то, что свидетель может осознанно давать ложные показания, то в каждом показании содержатся два генетически различных, тесно сплетенных в единое целое, корня, т. е. чувственное наблюдение (физиологический корень) и заключение, основанное на ряде выводов, сделанных из этого наблюдения (интеллектуальный корень), при этом первый и второй корень индивидуально отличается у разных людей. Более того, поскольку между возникновением содержательного наблюдения и предоставлением этого наблюдения властям, нередко проходит достаточно много времени, первоначальное наблюдение меняется, и, кроме того, за этот период свидетель подвергается различного рода влияниям как внешним, так и внутренним. Наконец, условия, при которых возникло конкретное содержательное наблюдение, особенности физического состояния свидетеля, такие как пол, возраст и т. п., отрицательное влияние эмоций на качество наблюдения, опасность, что свидетель подвергся иллюзиям и т. д., достаточно хорошо объясняют нам то явление, которое мы можем ежедневно видеть в судебном зале: об одном и том же факте или событии одни свидетели говорят абсолютно противоположное тому, что говорят другие. Яркий пример этого мы также найдем и в катынском деле. Те свидетели, которые перед

¹ Вроцлав (Wrocław; нем. Breslau), один из самых крупных и старых городов Польши, историческая столица Силезии. Расположен на обоих берегах среднего течения р. Одер, на Силезской низменности. — *Прим. пер.*

² В русской транслитерации фамилия Buhtz иногда подается как Бухтц. — *Прим. пер.*

немецкой комиссией давали показания, что массовое убийство в Катыни было выполнено НКВД весной 1940 г., перед советской комиссией утверждали абсолютно противоположное, что упомянутые убийства совершили немцы осенью 1941 г. Однако правда всегда одна.

Если говорить о втором пункте, т. е. о документах, письмах, заметках, дневниках и т. п., найденных при трупах, и на основании этих документов проводить идентификацию личности, устанавливать дату и время смерти жертв Катыни, то эти документы должны пройти техническую и химическую экспертизы для установления качества бумаги, почерка, печати и для констатации изменений, которым они могли подвергнуться под воздействием разложения трупов и их длительного пребывания в земле, более того, документы эти должны пройти графологическую экспертизу при достаточном количестве сравнительного материала. Без таких детальных анализов следует быть очень осторожными с вынесением заключений, касающихся как идентификации личности жертв Катыни, так и времени их смерти. Не говоря уже о возможности заведомой подмены документов, ведь может оказаться и так, что кто-то имел при себе документы, визитки, фотографии и т. п. другого человека, и таким образом проведенная идентификация может оказаться неверной; то же самое касается и даты последней записи в дневнике, который был найден при трупе, эта дата не обязательно должна соответствовать дате смерти данного человека.

Нам, как медэкспертам, остается рассмотреть только третий пункт, на котором основывается точка зрения немецкой стороны, а именно: необходимо подвергнуть критическому анализу проведенные исследования трупов и сделанные на основании этих исследований заключения.

Итак, согласно версии немецкой стороны, когда тайная полевая полиция (*Geheime Feldpolizei*) в феврале 1943 г. узнала, что в катынском лесу находятся массовые захоронения убитых в 1940 г. польских офицеров (стр. 15 строка 7–10 снизу), то главнокомандование сухопутных сил¹ выдало в марте 1943 г. приказ раскопать эти могилы (стр. 18 строка 6 сверху). На территории катынского леса было найдено 8 массовых захоронений (стр. 39–53 раздел 3–7). Захоронение, обозначенное немцами № 1 и по форме напоминающее букву «L», занимало площадь около 252 м². Захоронение № 2, отдаленное на 20 м от предыдущего, занимало площадь 100 м². Захоронение № 3–21 м². Захоронения № 4 и 5 прилегали к захоронению № 3, причем захоронение № 4 занимало ту же площадь, что и захоронение № 3, т. е. 21 м², захоронение же № 5–13,5 м². При раскопках захоронения № 5 на глубине 0,8 м была обнаружена грунтовая вода. Захоронения № 6 и 7 занимали поверхность 48 м² и 22,5 м². Все же 7 захоронений вместе занимали поверхность 478 м². Глубина захоронений колебалась от 1,85 до

¹ В тексте О. К. Н. — *Oberkommando des Heeres* (генеральный штаб сухопутных войск на Восточном фронте). — *Прим. пер.*

3,30 м, средняя глубина составляла около 2,30 м. Как правило, отдельные захоронения были заполнены трупами до высоты 1,50 м под поверхностью земли. На расстоянии около 100 м от этого комплекса захоронений находилось захоронение № 8, в котором первые трупы были обнаружены на глубине 2 м; это захоронение было пробно раскопано только на площади 5,5×2,5 м и было исследовано 13 трупов. Останки в захоронениях лежали в беспорядке, друг на друге слоями (до 12 слоев), чаще всего передняя часть тела была обращена вниз. Трупы из низших слоев, в результате давления слоев, расположенных выше и давления земли, представляли собой достаточно плотную массу, так, что отделение трупов друг от друга представляло большие трудности. Все останки были одеты в польские мундиры. На мундирах находились знаки воинского отличия, ордена, пояса, в мундирах разнообразные бумаги и документы, пропитавшиеся гнилостным транссудатом¹ и склеенные жирными кислотами. У некоторых трупов руки были связаны за спиной, у некоторых головы были обмотаны одеждой. Трупы находились на различных стадиях разложения.

Раскопки захоронений начались 29 марта 1943 г. (стр. 38 строка 8 снизу), а приостановились 3 июня 1943 г. из-за жары и засилья мух (стр. 40 строка 3 снизу), т. е. продолжались 67 дней. За этот период необходимо было исследовать 4143 трупа, из которых 2815 — идентифицировать² (стр. 47 строка 20–23 сверху), причем из медицинского персонала кроме руководителя проф. Бутца в этих работах принимали участие только три немецких судебных медика (стр. 39 строка 1–2 сверху) и один польский (стр. 39 строка 5 сверху). Даже если допустить, что работы велись каждый день все эти 67 дней, то 4-м судебным медикам ежедневно приходилось бы исследовать 61–62 трупа, т. е. на каждого из них по 15–16. Это очень много, поэтому не может быть и речи, что даже при 10-ти часовом рабочем дне судебно-медицинские исследования могли проводиться на должном уровне. В идеале судебный медик должен лично присутствовать как при раскопках захоронений, так и при извлечении трупов из них, далее на внешнем осмотре одежды, на ее детальном исследовании, при процедуре снятия одежды с останков, и только потом, наконец, следует внешний и внутренний осмотр трупа. Каждый, кому доводилось проводить такого рода исследования, должен знать, что они занимают намного больше времени, чем обычное вскрытие трупов, которое проводится в научном институте, хорошо оснащенном, когда трупы без одежды и представляют собой тела людей уже опознанных, с распиленным черепом, в этом случае, отпадают все только что перечисленные действия, которые занимают так много вре-

¹ Транссудат — невоспалительное скопление сыворотки крови в полостях и тканях тела. — *Прим. пер.*

² Так в тексте. — *Прим. пер.*

мени. И даже в этих идеальных условиях опытный медик проводит осмотр трупа за 30–60 минут. Если же, как следует из немецкого протокола (стр. 41 строка 7–14 сверху), уже сама эксгумация трупов была очень сложной, поскольку в захоронениях находилась грунтовая вода или в случаях, когда извлечение трупов, беспорядочно побросанных, без их порчи было почти невозможным (стр. 41 строка 14 сверху); если же, как написано в протоколе, были осмотрены **все**¹ карманы одежды жертв; если на месте была исследована информация из найденных бумаг, ордена, эмблемы, эполеты, пуговицы от мундиров и т. д.; если в подавляющем большинстве случаев была проделана секция (вскрытие) черепа и даже часто затем проводилось полное вскрытие трупа (стр. 42 строка 7 сверху); более того, если были взвешены и измерены отдельные органы (стр. 55 и 56), и даже исследованы под микроскопом (стр. 56 строка 1 после таблицы), то, учитывая заявленное количество трупов — 4143, период — 67 дней и количество персонала — 5 судебных медиков, становится ясным, что эти исследования не могли быть проведены должным образом либо медицинский персонал использовал информацию неквалифицированных сил, и в таком случае нет ничего удивительного в том, что, опираясь на эту неквалифицированную информацию, он делал неточные либо даже ошибочные выводы. На эти неточности, недостатки и пробелы будет указано во время дальнейших рассуждений.

Далее стоит подчеркнуть, что существуют большие расхождения между заключениями иностранных экспертов, которые были сделаны на основании проведенных ими вскрытий трупов жертв Катюни, и заключением, которое приведено в работе проф. Бутца, а также расхождения во мнениях некоторых исследователей. Как известно, 28 апреля 1943 г. в Катюнь прибыла приглашенная немецкими властями иностранная медицинская комиссия, состоявшая из 8 судебных медиков, 3 патологоанатомов и 1 окулиста, и находилась там до 30 апреля 1943 г. (стр. 114 строка 5 сверху). Этой комиссии были показаны 982 трупа из 7 захоронений, извлеченные до их приезда, в основном вскрытие трупов было проведено проф. Бутцем и его коллегами; далее были осмотрены многочисленные, специально отобранные экземпляры, наконец, члены заграничной комиссии исследовали 8 трупов. А именно исполнил:

проф. судебной медицины др. Орсос (Будапешт)	1	вскрытие
прозектор института судебной медицины в Копенгагене др. Грамсен	1	— v —
проф. судебной медицины др. Пальмери (Неаполь)	1	— v —
проф. судебной медицины др. Марков (София)	1	— v —
проф. судебной медицины др. Гаек (Прага)	2	— v —

¹ В источнике это слово выделено разрядкой. — *Прим. пер.*

проф. судебной медицины др. Милославич (Загреб)	1 — v —
проф. судебной медицины др. Биркле (Бухарест)	1 — v —

Что же установили иностранные эксперты на основании проведенных ими вскрытий? Итак, эксперт Марков ограничился только описанием внешнего и внутреннего осмотра, но не высказал своей точки зрения. Из его протокола вскрытия интересным и важным для нас является то, что возле сквозной раны на черепе, проходящей от затылка ко лбу и не имеющей черт, характерных для огнестрельной раны, выполненной с близкой дистанции, он нашел еще хорошо сохранившиеся кожные покровы, местами загрубевшие, а в жировой ткани брыжейки¹ тонкого кишечника образование жировоска (омыление) (стр. 128–129).

Эксперт Гаек в обоих исследованных им случаях подтвердил огнестрельные ранения, проходящие от затылка ко лбу и не имеющие черт, характерных для огнестрельного повреждения, выполненного с близкой дистанции. О вскрытии трупа № 831 он пишет (стр. 131 строка 1 сверху), что мозг был абсолютно мягким, и в нем невозможно было рассмотреть раневого канала, в то же время, он считает, что мозг был раздавлен (стр. 131 строка 30 сверху). В обоих случаях он ни одним словом не упоминает о появлении жировоска (об омылении трупа).

Эксперт Биркле подтвердил, что причиной смерти было огнестрельное ранение в череп, однако без признаков, характерных огнестрельным ранам, выполненных с близкой дистанции, а также он подтвердил образование жировоска как на поверхности тела, так и в мышцах конечностей и в сердечной мышце (стр. 134–135).

Эксперт Трамсен констатировал, что причиной смерти была огнестрельная рана при отсутствии признаков выстрела с близкой дистанции, а также он упоминает о присутствии трупного жира на грудной клетке (стр. 124–125).

Эксперт Орсос подтвердил похожее огнестрельное ранение черепа, проходящее от затылка к левой стороне носовой полости, без признаков выстрела с близкой дистанции, а также он обнаружил жировоск на поверхности и внутренностях трупа. Однако у этого трупа (№ 835) он мог различить не только отдельные части мозга и извилины, но даже отметил, что кора имела розоватую окраску и вещества сердцевины мозга имели почти белую окраску, а в черепе жертвы № 526 он констатировал многослойную, твердую инкрустацию на поверхности глинистого месива мозга и на основании этого изменения выдвинул предположение, что эти останки уже, по крайней мере, три года лежали в земле.

Эксперт Пальмери констатировал три входные огнестрельные раны на затылке, без признаков выстрела с близкой дистанции, две выходные

¹ Брыжейка (мезентерий), складка брюшины, прикрепляющая внутренние органы человека и животных к стенкам полости тела. — *Прим. пер.*

огнестрельные раны на лбу и застрявшую в мозге пулю калибра 7,65 мм. На основании посмертных изменений он определил, что смерть жертвы наступила более года назад.

Эксперт Милославич установил подобное огнестрельное ранение черепа, причем входная огнестрельная рана в глубине коже и на затылочной кости была окрашена в черный цвет. Более того, он соглашается, что обнаруженные на трупе посмертные изменения (жировоск) соответствуют датам найденных при трупе документах, т.е. смерть наступила весной 1940 г. (стр. 133 строка 3 снизу).

Резюмируя, следует отметить, что иностранные эксперты единогласно утверждают, что причиной смерти вскрытых ими жертв были выстрелы в затылок. За исключением Милославича, ни один из экспертов не констатировал признаков огнестрельного ранения, выполненного с близкой дистанции. Некоторые эксперты вообще не упоминают о жировосковом изменении трупов, некоторые отмечают только начало процесса образования жировоска, некоторые — уже далеко зашедший процесс образования жировоска. Большинство экспертов вообще не упоминает времени смерти жертв на основании времени пребывания трупов в земле, и только эксперт Пальмери определяет период — более одного года, в то время как эксперты Орсос и Милославич — 3 года.

Как видно, иностранные эксперты на основании проведенных ими исследований трупов делают многочисленные и далеко идущие выводы, и наиболее важно то, что эти выводы значительно отличаются друг от друга.

Насколько же далеко идут их выводы, сделанные на основании осмотра трупов, которые проф. Бутц отобрал специально для них (стр. 115 строка 9 снизу *besonders ausgewählte Fälle*), не говоря уже о выводах выдвинутых самим проф. Бутцем, которые не выдерживают никакой критики.

Так, уже первое предложение протокола содержит утверждение, что у всех выкопанных до 30 апреля 1943 г. трупов (а выкопано их было 982) без исключения причиной смерти было огнестрельное ранение в голову (стр. 115 строка 6 снизу «ausnahmslos»; то же самое, впрочем, содержится и в резюме комиссии на стр. 118 строка 3 сверху, только вместо «ausnahmslos» употреблено «ausschliesslich»). Тем временем в нескольких местах протокола (стр. 56 строка 18 снизу, строка 78 строка 10 сверху) есть упоминание, а также в своем резюме проф. Бутц четко обозначает (стр. 92 строка 12 снизу), что по причине начавшегося процесса разложения трупов не всегда можно было установить огнестрельное ранение. Если же не всегда удавалось установить огнестрельное ранение, то нельзя утверждать, что огнестрельное ранение было причиной смерти всех жертв без исключения.

Далее после определения траектории раневого канала от задней части шеи к передней части головы, главным образом к границе роста волос на лбу, в протоколе комиссии отмечено, что это были огнестрельные ранения

из пистолета калибра менее 8 мм (стр. 116 строка 3 сверху). Проф. Бутц в своем резюме (стр. 92 строка 11 сверху) идет немного дальше, но тоже ограничивается только заявлением, что были использованы патроны калибра 7,65 мм. По крайней мере должно показаться странным, что ни в протоколе иностранной комиссии, ни в резюме проф. Бутца не обозначено, что использованные патроны были немецкого происхождения, раз из его протокола следует (стр. 73–75 строка 1 снизу, стр. 74 строка 22 сверху, стр. 75 строка 20 снизу), что в могилах и между трупами, а также рядом с захоронениями, были найдены гильзы от пистолетов немецкого происхождения «Geco 7,65 D», произведенные фирмой Густав Геншов и К° в Дурлахе под Карлсруэ (Баден). Также найденные в трупах жертв пули (стальная оболочка и свинцовый сердечник), отвечали калибру 7,65 мм. Использование боеприпасов немецкого происхождения при расстреле жертв в Катыни проф. Бутц объясняет, с одной стороны, тем, что фирма Геншов экспортировала их в разные страны, также и в Россию, с другой стороны, тем, что патроны эти могли происходить не только из непосредственных немецких поставок в Россию, но также из трофеев, захваченных на восточной территории Польши в 1939 г. (стр. 75 последний абзац). Не подлежит сомнению, что патроны, сделанные немецким фабрикантом могли использоваться в разных странах, в которые эти патроны экспортировали. С другой же стороны, не подлежит также сомнению, что в отдельных странах использовали прежде всего патроны собственного производства. Следовательно, немец стрелял чаще своими, нежели английскими или российскими патронами; так же как и англичанин, русский или француз чаще использовали патроны собственного производства, а реже немецкого. Поскольку с началом войны в Польше все оружие и патроны под страхом смертной казни должны были быть выданы польским органам общественной безопасности, утверждение (стр. 75 строка 4 сверху «ergibt sich zwingend»), что немецкие патроны происходили из трофеев, захваченных Красной армией в 1939 г. на восточной территории Польши, следует назвать, по крайней мере, достаточно произвольным.

Если уже зашел разговор о патронах, то следует еще обратить внимание на одну особенность, которая в немецких утверждениях выделяется¹ рядом несоответствий. Так, в протоколе (стр. 43 строка 18 сверху) проф. Бутц пишет, что все (zämtliche) пуговицы на верхней одежде и на белье у жертв Катыни всегда были застегнуты. Эту особенность он подчеркивает для того, чтобы опровергнуть версию антинемецкой пропаганды, которая утверждала, что трупы в Катыни только позже были одеты в польскую форму. В то же время иностранный эксперт проф. Гаек отмечает (стр. 129 фрагмент «ogłędziny zewnętrzne»), что при внешнем осмотре трупа № 842 между плащом и рубашкой на высоте левой впадины ребра была найдена свободно лежащая, немного сплюснутая пуля калибра приблизи-

¹ Букв. бросается в глаза. — Прим. пер.

тельно 8 мм. Причем ни на плаще, ни на рубашке в этом месте не было отверстия. Также кроме огнестрельного ранения головы он не упоминает об иных изменениях и повреждениях, особенно в грудной клетке, в позвоночнике и в животе жертвы. Не надо объяснять, что физически невозможно, чтобы пуля из выходного отверстия, находящегося на середине лба жертвы, при закрытом плаще могла упасть между плащом и рубашкой.

В то же время следует признать верность повторяющегося несколько раз в протоколе проф. Бутца (стр. 57 строка 26 сверху, стр. 93 пункт 9), а также в протоколе международной медицинской комиссии (стр. 116 в. строка 10 сверху), утверждения, что стереотипное огнестрельное ранение в шею, которое наблюдается у катынских жертв, если не свидетельствует, то, во всяком случае, вполне ясно говорит о профессиональном навыке стрелявших. Однако исследование жертв многочисленных массовых захоронений, убитых немцами на территории Польши, является неоспоримым доказательством того, что и они были выполнены опытной рукой и тем же способом.

Далее в протоколе указывается, что выстрелы были произведены в непосредственной близости (стр. 116 строка 6 сверху), в то время как ни один из иностранных экспертов при осмотре трупов, за исключением Милославича (стр. 32 пункт 7), не утверждает, что выстрелы были произведены с близкой дистанции. Проф. Бутц этой особенности посвящает очень много места (10 страниц), и, видимо, для придания своим выводам более научного характера он в качестве примера использует даже методику химических исследований, исследования с помощью инфракрасного фотографирования под микроскопом, приводит графики и таблицы и т. д. (стр. 76–85). Но все же большого практического значения эта особенность не имеет. Только если представить на минуту, что это были массовые захоронения самоубийц либо жертв какого-то несчастного случая. То, что эти жертвы были убиты врагами, никто не может, да и не мог сомневаться, и тогда абсолютно все равно, стрелял ли убийца непосредственно прикладывая оружие к жертве, или с расстояния в несколько или несколько десятков сантиметров.

Поскольку факт обнаружения в захоронениях катынских жертв патронов немецкого происхождения не отмечен ни в протоколе международной медицинской комиссии, ни в резюме проф. Бутца, постольку сильнее в обоих подчеркивается та особенность, что на одежде и на трупах жертв были обнаружены четырехгранные следы от проколов русским штыком. Только снова в этом вопросе мы наталкиваемся на целый ряд противоречий. Так, никто из иностранных экспертов (которые сами исследовали и проводили вскрытие трупов) в своем протоколе ни слова об этом не написал. Хотя немецкий эксперт, др. Губер (Huber) отмечает (стр. 94 пункт 2), что на обратной стороне шинели на трупе № 0833 на расстоянии 50 см выше нижнего края плаща он нашел отверстие, только это отверстие было

круглым, диаметром около 0,5 см и края были слегка растрепаны. В протоколе международной медицинской комиссии можно прочитать (стр. 116 строка 12 сверху), что только в нескольких случаях (*in einigen Fällen*) были найдены четырехгранные проколы штыком не только на одежде, но и на коже. В противоречие к этому проф. Бутц утверждает, что он не нашел на коже жертв четырехугольных ран, а только едва видимые отверстия в тканях (*kaum mehr erkennbare Gewebadefekte*), характер которых при отсутствии структуры краев и первичной формы из-за последующего разложения трупов, невозможно точно определить (стр. 91 строка 21–23 сверху). В другом же месте протокола (стр. 93 строка 11 сверху) проф. Бутц пишет (стр. 43 строка 20 сверху), что в нескольких случаях (*einige Fälle*) он обнаружил многочисленные (*zahlreiche*) отверстия на обратной стороне верхней одежды и на белье, характерные для отверстий, которые оставляет русский штык. На этом основании он утверждает, что жертв, оказывающих сопротивление, насильственно гнали штыками и причиняли им физические мучения на месте казни (стр. 93 пункт 7).

Прежде всего, следует подчеркнуть, что при колотых ранах очень редко удастся точно определить, каким было колющее орудие. Колотая рана на коже своими размерами и своей формой не всегда соответствует форме использованного колющего орудия. На это влияет целый ряд обстоятельств таких, как минутный тургор¹, напряжение и местная расщепляемость кожи, далее — вошло ли колющее орудие в кожу параллельно или поперек хода ее волокон, повернули ли орудие или его наклонили после того, как оно вошло в тело и было вытянуто из раны, и таким образом рана могла быть расширена, а края могли быть изменены и т. д. и т. п.

У орудий с гранями форма колотой раны на коже зависит от вида краев орудия. Если края такого орудия острые, то оставленные после него раны принимают лучевидную форму с таким количеством ребер, сколько граней было на орудии. Орудия с тупыми краями или многогранные (например, восьмигранные) образуют рану похожей формы как от орудия односекущего либо двусекущего, или чаще всего на коже образуют колотые раны по форме, напоминающие бруски. Только на пластических тканях — костной и хрящевой — остаются соответствующие размеры и форма поперечного сечения клинка орудия, которым была нанесена колотая рана. Но выводы по этой теме являются вообще беспредметными, потому что проф. Бутц упоминает, что только в одном случае, т. е. у поручика Мейстера была обнаружена колотая рана на кости, а именно на ребре (стр. 91 строка 24–25 сверху), но только он не описывает форму, которую имела эта рана, особенно не упоминается — имела ли эта рана четырехугольную форму. Поскольку речь идет о ране на коже, то проф. Бутц признает, что вследствие

¹ Тургор (Turgor) — состояние наполненности (упругости) тканей, вызванное их опуханием. — *Прим. пер.*

посмертных преобразований структура краев и форма отверстия на коже настолько изменились, что описать их характер было невозможно. Хотя все-таки проф. Бутц ни на костях, ни на коже жертв Катюни не обнаружил характерных четырехугольных ран, он все-таки считает, что увечья на спинах жертв являются колотыми ранами, которые были нанесены русским штыком, только потому, что они соответствуют всем обнаруженным четырехугольным поротым отверстиям на одежде жертв.

Без сомнения, определенные подсказки о характере колющего орудия может дать исследование проколотой одежды. Ведь форма дыр на одежде и состояние их краев зависят, с одной стороны, от формы и остроты орудия, с другой же стороны, от особенностей материала, из которого сделана одежда. На кожаных куртках, на одежде из плотных, декатированных¹ тканей и на крахмаленном белье ребристые орудия оставляют лучистые поротые дыры, орудия же одно- и обоюдоострые обычно оставляют щелевидные поротые дыры с гладкими краями. А на тонких, шерстяных, хлопковых, льняных, шелковых, а особенно, трикотажных тканях все виды колющих орудий оставляют щелевидные поротые дыры с обтрепанными краями.

Из одежды, на которой могли бы остаться четырехугольные поротые дыры, у катынских жертв могли быть только кожаные куртки, о которых упоминается в (стр. 42 строка 19 снизу) протоколе проф. Бутца. Другие части одежды такие, как шерстяные части униформы или белье не подходили под те виды ткани, на которых после прокола русским штыком легко могли бы остаться характерные четырехугольные поротые дыры. Тем временем ни из содержания протокола, ни из фотографии, помещенной в цитированной публикации, не следует, что эти поротые дыры были найдены на кожаных куртках. Но самым главным является то, что мы до сих пор не обладаем данными, которые были бы подтверждены научным экспериментом, что характерное четырехугольное отверстие сохраняет свою первоначальную форму и не изменяется, находясь в течение нескольких месяцев в земле среди видоизменяющихся трупов, а также, что такое отверстие сохраняет свою первоначальную форму при эксгумации трупов, которые, как описывает проф. Бутц, очень плотно слиплись друг с другом и их приходилось просто разрывать. Если бы эксперименты, проведенные в этом направлении, показали, что при только что перечисленных обстоятельствах отверстия не сохраняют своей характерной первоначальной формы, а изменяют эту форму, то у нас был бы довод, что эти отверстия возникли уже при эксгумации трупов. Но если мы даже примем, что эти отверстия возникли не после эксгумации трупов, а сохранились в течение нескольких лет, то можно ли отбросить возможность того, что они могли возникнуть

¹ Декатировать — обработать шерстяную ткань паром или горячей водой для того, чтобы она не садилась от сырости. — *Прим. пер.*

уже после экзекуции, например, когда трупы сталкивали штыком в могилу и т.п. Несмотря на то что при жертвах Катыни были найдены немецкие патроны, утверждалось, что казнь совершили русские, так же и по аналогии можно утверждать, что русские штыки могли использовать не русские. Однако мы не желаем идти путем домыслов и давать волю фантазии, как это делает проф. Бутц, впрочем, серьезный исследователь, но который поддался уже исключительно своей фантазии и расстался с холодной рассудительностью, когда далее на основании этих четырехугольных отверстий в одежде утверждает, что жертв перед расстрелом кололи штыками, подгоняя сопротивлявшихся, тем самым причиняя им физические мучения на месте казни (стр. 93 пункт 7).

Даже на свежих трупах редко удастся точно воспроизвести цепочку причиненных увечий, т.е. какое из них было нанесено раньше, а какое позже, а что же касается катынского случая, когда из-за посмертных изменений вообще не удастся установить колотые раны на теле, и только принимаемая во внимание отверстия на одежде и соотносящиеся с ними отверстия в тканях тел жертв, проф. Бутц считает их колотыми ранами, но он не может привести ни одного доказательства, что они были нанесены при жизни, а тем самым, что они были нанесены перед расстрелом жертв, а уже вообще является голословным его утверждение, что раны были нанесены с целью истязания жертв перед смертью.

Также не выдерживает критики, а является просто домыслом и не подтверждается ни одним доказательством утверждение проф. Бутца, что жертв Катыни держали за оба плеча в момент расстрела (стр. 88 строка 17 сверху), а также с целью истязания перед расстрелом жертвам ломали нижние челюсти, нанося удары кулаками или прикладами винтовок (стр. 93 пункт 8), и с этой целью им обматывали головы шинелью или рубашкой (стр. 89 строка 18 снизу), а в одном случае даже заполнили пространство между головой жертвы и плащом несколько сантиметровым слоем стружки (стр. 90 строка 6 сверху), чтобы таким образом затруднить дыхание жертве до самого момента казни. По счастью, эти предположения сообщает в своем протоколе только проф. Бутц, в то время как в протоколе международной медицинской комиссии этого нет.

Согласно протоколу проф. Бутца регулярность огнестрельных ранений у жертв Катыни должна доказывать, что их держали за оба плеча, они стояли и голова находилась в нормальном или чуть наклоненном положении, потому что таким образом предотвращалось падение головы назад или на бок после выстрела, а также согласно Бутцу, невозможно было бы объяснить два или три выстрела в шею, если жертвы находились в лежачем положении (стр. 88 строка 12–23 сверху). Тем временем эта проблема выглядит совершенно иначе, ведь очевидно и даже не требует объяснений то, что после выстрела в шею в стоящего человека, даже

если бы его поддерживали за оба плеча, голова, не имея никакой точки опоры, не оставалась бы в том же положении, но могла бы упасть в каком угодно направлении. И, наоборот, при выстреле в шею в лежащего человека, голова, имея постоянную точку опоры, остается в том же положении.

Также не приводится в протоколе проф. Бутца никаких предметных данных доказывающих, что жертв перед расстрелом мучили, нанося им удары кулаками либо прикладами винтовок. Прежде всего, кажется непонятным и удивительным, зачем надо было бить жертв исключительно в нижнюю челюсть. Далее, не следует исключать, что перелом челюсти мог быть последствием выстрела. В июле 1940 г. один из нас имел возможность исследовать трупы (преображенные в жировоск) жертв, убитых в сентябре 1939 г. немцами при облове на ул. Велицкой в Кракове. На некоторых из них не было видно внешних увечий, а только чувствовалось, что кости лица были раздроблены, и это создавало впечатление, что жертв избивали тупым предметом либо предметом с тупыми углами, например прикладом. В этих, а также в других подобных случаях можно было убедиться, что жертв не избивали тупым орудием, а только убили выстрелом в шею, причем внешние ранения в результате посмертных изменений не были заметны. То же самое можно было наблюдать в случае с 36-ю трупами, эксгумированными в 1941 г. в Баранове. Это были трупы заключенных, которых конвоировали в 1939 г. из Кракова на восток. Немецкие власти арестовали конвоирующих надзирателей из-за того, что они били заключенных прикладами по лицу. Обвиняемые объяснили, что когда немецкие войска приближались к конвою, то они, согласно полученной инструкции, выстрелили в шею заключенных. Только после трепанации черепов жертв выяснилось, что конвоиры говорили правду, потому что хотя внешние раны из-за посмертных изменений были невидимы, но на костях можно было обнаружить следы огнестрельных ранений и к ним отнести поломку челюсти, а не к ударам прикладом. То же самое сказал по этому поводу немецкий эксперт др. Бэк (*Beck*), несмотря на частые и ошибочные мнения в подобных случаях, которые мы находим в публикациях немецких судебных врачей. Не могло ли то же самое иметь место в случае с катынскими жертвами, поскольку эксперты не исследовали все останки, а сам проф. Бутц признает (стр. 56 строка 19 снизу), что вследствие далеко зашедшей стадии посмертных изменений, неоднократно не удавалось найти раневой канал на шее. При низко расположенном влете пули в шею вылет мог находиться либо на передней стенке шеи, либо в ротовой полости. Однако, не учитывая уже сам факт, что раздробление челюсти не обязательно должно было произойти от удара прикладом, то утверждение проф. Бутца, что удары были нанесены при жизни жертв перед их расстрелом, не находят подтверждения. Становится понятным и легко объяснимым, почему он не упоминает о кровоподтеках от этих уда-

ров, потому что кровоподтеки — это наиболее характерное доказательство того, что данное увечье было нанесено еще при жизни, однако они могли уже быть не видны из-за далеко зашедших посмертных изменений. Но почему же в таком случае проф. Бутц не провел исследования легких под микроскопом на предмет нахождения жировых заторов?

Несомненно, ему было известно, что при травмах, сдавливающих жировые ткани и костный мозг, поток крови прорывает их и устремляется к правому предсердию, а от туда бросается в легкие, где задерживается; можно обнаружить под микроскопом, а тем самым доказать, что данные травмы были нанесены еще при жизни. Такого исследования не проводилось, поскольку с микроскопом развлекались, исследуя стружку (стр. 90 строка 8 сверху), хотя это не имело никакого значения, так как все равно какой была стружка, находившаяся между плащом и лицом или в ротовой полости жертвы: сосновой, еловой, буковой или березовой. Вместо исследования под микроскопом образца стружки было бы более правильным провести исследование под микроскопом легких этих жертв, потому что если бы в бронхах, бронхиолах и особенно в легочных пузырьках нашли стружку, то это доказывало бы, что она попала туда со вдохом, а следовательно, это случилось еще при жизни жертвы. В то время как присутствие опилок в ротовой полости этого не доказывает, поскольку инородные тела, особенно сыпучие могут попасть в ротовую полость также и после смерти. Не объясняет этого также и та особенность, которую подчеркивает проф. Бутц, что стружка находилась в ротовой полости и между зубами, когда рот был закрыт, а щеки не были повреждены (стр. 90 строка 10–13 сверху). Ему должно быть известным, что нижняя челюсть, которая в момент смерти опускается вниз и в результате этого рот открывается (отсюда обычай подвязывать платком или полотенцем челюсть к верхней части черепа), поднимается на поворот вверх и в момент наступления трупного окоченения челюсти сжимаются (так называемый *masticatio mortuorum* древних авторов). Поэтому стружка могла попасть в ротовую полость жертвы после ее смерти в тот момент, когда рот открылся после того как упала челюсть, и когда далее произошло трупное окоченение в жевательных мышцах (*musculi masseteri*) рот закрылся, и наступила мумификация трупа, поэтому нет ничего удивительного в том, что во рту находилась стружка. Если логически помыслить, то не подлежит сомнению то, что жертвам при жизни, а не после смерти обматывали голову одеждой (как раз вместе со стружкой), а вот присутствие стружки во рту (как утверждает проф. Бутц) этого не доказывает, даже если он был закрыт.

Не имеет большого практического значения тот факт, что на трупах или на одежде катынских жертв нигде не было найдено насекомых (стр. 52 строка 15 сверху и стр. 94 пункт 13), и ни в коем случае эта особенность не дает право делать вывод, что расстрел жертв происходил в холодное время года, когда насекомых не было. Не упоминая уже тот факт, что проф.

Пальмери при вскрытии трупа нашел в одежде, в горле большое количество мертвых личинок (стр. 126 строка 10 и 26 сверху), следует отметить, что даже в теплую летнюю пору, так как трупы сразу после смерти были глубоко закопаны, насекомые не развиваются, поскольку закопанные насекомые и отложенные ими яйца вследствие давления земли и отсутствия воздуха должны очень быстро гибнуть. В катынских могилах, как пишет проф. Бутц, расстояние от поверхности земли до высшего уровня трупов было значительным и составляло минимум 130 см (стр. 60 строка 17 сверху), также очень сильным было давление земли, потому что, если учесть толщину слоя земли и собственно вес песчаной почвы ($d=2$), то оно составляло 50 немецких центнеров¹ на м² для самого верхнего слоя трупов (стр. 48 строка 34–38 сверху), и нет никаких сведений о том, что жертвы после расстрела не были бы похоронены сразу. Кроме того, следует принять тот факт, что расстрел могли выполнять ночью, а в это время даже летом нет условий для существования большого количества насекомых. В конце концов, присутствие извести, причем в большом количестве ее нашли в захоронении № 1 (стр. 53 строка 3 сверху) могло, что в итоге признает и сам проф. Бутц, сыграть в этом немаловажную роль. Согласно проф. Бутцу в могиле № 1 использовали известь либо для дезинфекции трупов, либо для того, чтобы вследствие едкости извести невозможно было опознать лиц жертв (стр. 53 строка 7–9 сверху). Несомненно более практичным методом, который применялся в немецких концлагерях, было сжигание расстрелянных либо отравленных газом трупов в крематориях.

Не только проф. Бутц, но также и другой немецкий эксперт др. Губер (*Huber*) позволил себе увлечься не только истиной, но и фантазиями. Достаточно привести из его протокола (стр. 95 пункты 7, 8, 9) то, что при осмотре останков он обнаружил на обоих щеках не только развившееся образование жировоска, но даже уже практически отсутствие части хрящей носа, абсолютно мягкие глазные яблоки, и несмотря на это он пишет, что радужная оболочка глаза была серо-голубого цвета.

Однако перейдем к основной и наиболее существенной в этом деле проблеме, т. е. к вопросу определения времени, которое прошло с момента смерти катынских жертв до момента эксгумации их трупов. Следует сразу отметить, что при исследовании эксгумированных трупов определение давности смерти является вообще очень сложным, и установить ее можно только приблизительно, и только тогда возможно дать наиболее правильный ответ на этот вопрос, когда есть возможность провести сравнительные исследования при тех же самых внешних и внутренних условиях. Уже каждодневный опыт учит, что неоднократно при эксгумации, проведенной даже после многих месяцев, находят относительно хорошо сохранившиеся трупы и, наоборот, при эксгумации, совершаемой уже через нескольких дней после смерти, находят

¹ Немецкий центнер (Ztr. — Zentner) составляет 50 кг.

очень сильно разложившиеся трупы. Эксгумация жертв массовых расстрелов, выполненных немцами, показывает, что в одной из двух могил, которые отдалены друг от друга на несколько метров, в которых находятся жертвы одной и той же экзекуции, трупы в одной могиле незначительно разложились, а в другой же почти превратились в скелеты. От чего это зависит?

Организм человека, как любой органической субстанции, с моментом смерти подлежит разложению, которое является сложным процессом, направленным на изменение высокосложных связей человеческого тела в химически более простые формы. Разложение тел белкового строения является одним из явлений, которое замыкает круговорот азота в природе.

Процессы, происходящие в организме человека после смерти, можно разделить на физические и химические. Согласно биологическо-химическому изменению в строительных тканях чисто физическим посмертным процессом является, например, опускание крови и тканевого сока в наиболее низко расположенные части трупа, либо окоченение, когда с моментом прекращения выработки энергии температура тела становится равной температуре воздуха и, в результате испарения воды из трупа, понижается. Химические изменения тканей после смерти вызваны аутолизом, но, прежде всего, гниением. Аутолитические процессы происходят без микробов под влиянием ферментов, которые находятся в клетках организма, приводя к изменению тканей, мобилизации воды и, в конце концов, при размягчении эпидермиса к выделению из трупов в окружающее пространство жидкой ткани. Совершенно иначе, чем аутолиз, происходит процесс гниения. Под влиянием деятельности микробов, которые, находясь в теле, продолжают быстро размножаться в земле и путем раскисления и окисления разлагают трупы. Эти процессы разложения: физические и химические, проходят одновременно и не дают возможности четко отграничить их друг от друга, тем более, поскольку микробы развивают значительную деятельность в органах, то процессы аутолиза прикрываются процессами гниения.

Микробы, вызывающие гниение трупов, еще при жизни находятся в нашем организме, главным образом, в толстом кишечнике, и, кроме того, они попадают в трупы из окружающей среды, в которой они находятся. Микробы требуют для своей жизнедеятельности определенных условий, к которым в первую очередь следует отнести:

- а) доступ воздуха, содержащего кислород;
- б) соответствующее количество влаги, или воды;
- в) соответствующую температуру.

Это три основных внешних условий разложения трупов, кроме них в некоторых случаях играют определенную роль также и другие внешние условия такие, как время года, среда, в которой лежат трупы (воздух, вода, земля), насколько глубоко закопаны трупы, из каких слоев состоит почва, ее плотность, пропускная способность, влажность, закисленность, являют-

ся ли трупы одетыми или нагими, погребены они в гробу и из какого он сделан материала, или без гроба, испорчены ли останки зверями, насекомыми, плесенью, находятся ли они под влиянием корней деревьев, растущих поблизости и т. п.

Независимо от внешних, разложение трупов зависит также и от внутренних условий, из которых следует перечислить а) количество останков; б) состояние трупов; в) причину смерти. Очевидно, что трупы детей, как более маленькие и обладающие более юными тканями, разлагаются быстрее, чем трупы взрослых людей, также как останки полных гниют значительно быстрее, чем останки худых; и, наконец, трупы людей, умерших из-за какого-то определенного заболевания, например, связанного с опухолями, заразными болезнями и т. п., разлагаются быстрее. В катынском случае нельзя придавать внешним условиям¹ большого значения, потому что умершие были людьми взрослыми, здоровыми и, во всяком случае, не болели какими-либо серьезными заболеваниями, а также у всех была одна и та же причина смерти, а именно: выстрел в голову.

Поскольку внутренние условия не играли большой роли в разложении трупов катынских жертв, будучи почти одинаковыми, то немного внимания и времени следует уделить условиям внешним. Итак, из упомянутых трех внешних условий соответствующая температура не играет большой роли в катынском случае. Как мы упоминали, гниlostные микробы для своего развития нуждаются в определенной температуре. Наиболее соответствующей для их развития является температура от +10 до +20, при температуре выше 60 гниение прекращается, а температура ниже 0 задерживает гниение. Как мы слышали, в катынском случае трупы были захоронены глубоко, приблизительно 1,5 м под толстым слоем земли, и поэтому температура в могилах не сильно колебалась, и, во всяком случае, не превышала, за исключением периода очень сильных морозов, только что упоминаемых крайних отметок температур.

Кроме соответствующей температуры для гниения необходим следующий основной внешний фактор, а именно: соответствующая влажность. Трупы, помещенные в сухой среде, проветриваемой или легко выводящей воду, например, в земле, где содержится много песка и быстро выводится натуральная влажность, т. е. вода, из которой состоит человеческое тело более чем на $\frac{2}{3}$ своего веса, перестают гнить, а высыхают и тлеют (превращаются в прах). Полная утрата воды из трупа или полное высыхание трупа мы называем тлением или мумификацией. Мумифицированные трупы легкие, сухие, твердые, бурого цвета и в таком состоянии могут оставаться сотни лет, только если к ним не имеют доступа определенные насекомые, которые уничтожают такие мумии. Также ежели останки находятся в сильно влажной среде, то гниение проходит быстрее и даже про-

¹ В тексте, видимо, опечатка. Скорее всего, речь идет о внутренних условиях.

исходит совершенное разложение. Излишек влажности вокруг трупа не способствует процессу гниения, ибо затрудняет доступ воздуха к трупам и поэтому трупы, пребывающие в очень влажной земле, а, прежде всего, в воде, разлагаются не полностью, а только подвергаются так называемому жировосковому преобразованию, которому мы сейчас уделим немного больше внимания, так как оно тесно связано с третьим основным внешним условием разложения трупов, а именно: с доступом воздуха.

Как упоминалось, микробы, от которых зависит гниение трупов, требуют для своей жизнедеятельности помимо соответствующей температуры и влажности также третий внешний фактор, т. е. доступ воздуха, содержащего кислород, поэтому их и называют аэробными. На самом деле существуют определенные микробы, так называемые анаэробные, которые могут жить и действовать без доступа воздуха или кислорода, однако они разлагают трупы очень медленно и не приводят к полному разложению тела. Опыт показал, что трупы при недостаточном либо совершенном отсутствии воздуха (а такие условия существуют, если трупы лежат во влажной среде либо в воде) не разлагаются, но преобразуются в жировоск, что происходит после начального периода гниения.

Трупы, преобразованные в жировоск, производят впечатление трупов как будто покрытых слоем извести. Их черты очень хорошо сохраняются, их поверхность, если она не покрыта глиной, плесенью и т. п. серо-желтого цвета, под ней находится серо-белый, жирный, сильно пахнущий слой жировоска, который на воздухе твердеет и своим видом напоминает немного грязный гипс.

Время, необходимое для жировоскового преобразования трупа зависит также от того, какими запасами подкожной жировой ткани обладали тела, а также от поступления воздуха к трупу и от уровня влажности окружающей среды.

В первую очередь оно появляется в том случае, когда трупы лежат в протекающей воде, в таких случаях приводятся экспериментальные исследования Краттера (Kratte), проводившиеся в 80-х гг. прошлого века. Он утверждал, что жировосковое преобразование предшествует гниению¹ (которое проходит приблизительно 1–2 месяца), и характеризуется прежде всего следующими процессами: появлением транссудата, утратой воды, сухостью и ишемией² тканей, имбибицией³ этих тканей, распадом красных

¹ В тексте, видимо, опечатка. Скорее всего, наоборот, гниение предшествует жировосковому преобразованию. — *Прим. пер.*

² Ишемия (ischaemia; греч. ischo задерживать + haima кровь; син.: местная анемия, местное малокровие) — уменьшение кровенаполнения органа или ткани вследствие прекращения или ограничения притока артериальной крови к определенному участку при нормальном или даже усиленном оттоке от него венозной крови. — *Прим. пер.*

³ Имбибиция (лат. imbibere впитывать) — пропитывание тканей веществами, растворенными в жидких средах организма, например, желчными пигментами при желтухе, кровяными пигментами — при кровоизлияниях. — *Прим. пер.*

кровяных телец, а также уничтожением эпидермиса. В течение следующих 3–4 месяцев наступает жировосковое преобразование подкожной жировой ткани и верхних мышц. Если верхние мышцы могут уже после полугода поддаться жировосковому преобразованию, то преобразование глубоких мышц, например, ягодичных, не заканчивается даже после года.

Эти исследования Краттера были подтверждены рядом исследователей, например, проф. Ваххольцем (Wachholz), который проводил в Краковском университете судебной медицины эксперименты *ex re*¹ одного судебного случая. В Подгуже² во влажном подвале был найден глубоко закопанный под слоем угля труп доношенного младенца, частично преобразованный в жировоск. На основе этого изменения окружной врач определил время смерти новорожденного ребенка — несколько дней, и следствие остановилось на мертвой точке. Тем временем Ваххольц на основании проведенных экспериментов над трупом младенца, которые он проводил в медленно текущей воде, убедился, что эти останки изменились только после 8 месяцев. Опираясь на результаты этого эксперимента, он определил время, которое могло пройти после момента смерти младенца: 4–5 месяцев. Эта цифра оказалась точной и помогла найти детоубийцу. Раньше в указанное время в этом доме была домработница, которую подозревали, что она беременна, и которая оставила свое место и несколько месяцев пребывала в Тернополе³. Арестованная призналась, что она задушила младенца и закопала в погребе. Согласно Ваххольцу, время, необходимое для подобного жировоскового преобразования останков взрослых людей, требует в этих же условиях более года.

Такие благоприятные условия, как в воде не существуют, если трупы лежат в земле, причем не отдельно, а целыми массами, лежат слоями, поскольку два основных условия, от которых зависит жировосковое разложение трупов, т.е. доступ воздуха и влажность, могут формироваться по-разному, и таким образом, это будет зависеть от ряда факторов: глубоко ли закопаны трупы, насколько плотная земля или же земля рыхлая с хорошей пропускной способностью, лежат ли трупы над или под поверхностью грунтовой воды, доходит ли до трупов грунтовая вода, происходит это постоянно или только во время дождя и т.д. и т.п. Из этого ясно, что научно исследованный и перед этим представленный период времени, необходимый для жировоскового преобразования трупов, пребывающих в воде не может служить основой для сравнения трупов, находящихся в земле.

¹ *Ex re* (лат.) в зависимости от обстоятельств. — *Прим. пер.*

² Подгуже — район Кракова. — *Прим. пер.*

³ Тернополь (укр. *Тернопіль*, польск. *Tarnopol*) — город на западе Украины, политико-административный, экономико-деловой и культурный центр Тернопольской области. Крупный город исторического региона Галиция. Расположен на реке Серет. — *Прим. пер.*

В заключение следует подчеркнуть, что не каждое из перечисленных изменений в процессе разложения трупов, будь то гниение, мумификация или жировосковое преобразование, должно охватывать все трупы, но что изменения эти могут происходить наряду с другими и на одном и том же трупе. И таким образом некоторые части трупов могут быть мумифицированы, другие части этих же трупов могут быть подвержены гниению, третьи опять же могут быть преобразованы в жировоск. Эти разнообразные процессы могут развиваться одновременно на различных стадиях в зависимости от единичного или массового захоронения и даже в особых для трупов условиях. Из этого следует, что ввиду того, что разложение трупа является очень сложным процессом, и ежели вы не желаете совершить фатальных ошибок, следует быть очень осторожными, определяя на этом основании время, которое прошло с момента смерти. Только принимая во внимание все факторы и старательно обдумывая как внешние, так и внутренние условия разложения трупов, которые, как правило, сильно колеблются в период разложения, можно попытаться определить время смерти и то с определенной приблизительностью.

Теперь, принимая во внимание все вышесказанное о разложении трупов, которое подтверждается научными данными и медицинскими экспериментами, рассмотрим катынский случай. Нам сразу же следует оговориться, что определение времени, которое прошло с момента смерти до момента погребения, на основании посмертных изменений трупов катынских жертв наталкивается на трудности по нескольким причинам.

А) Прежде всего останки катынских жертв не находились в неизменной среде, а в разные времена года она менялась, кроме того, трупы не лежали по одному, а в большом количестве — слоями. Эти условия помимо прочих должны были играть большую роль в процессе разложения трупов, только точное определение их роли по причине отсутствия детальных систематических исследований в этом направлении, а также отсутствия материала для сравнения, является невозможным.

Б) Кроме того, трупы катынских жертв были подвержены серьезным изменениям: мацерации¹, мумификации и жировосковому преобразованию в разнообразных между собой комбинациях и различной степени развития.

В) В конце концов, как в немецких протоколах, так и у иностранных экспертов есть различия в описании и в определении времени посмертных изменений, а также в выводах, касающихся времени смерти жертв Катыни, заключенных на основании этих изменений.

Массовые захоронения в Катыни находились в песчаной земле, также трупы во время больших атмосферных осадков весной и осенью лежали

¹ Мацерация (размокание) — разъединение клеток в тканях в результате растворения межклеточного вещества. Часто появляется при длительном нахождении в воде — *Прим. пер.*

в грунтовой воде, так, во время раскопок могил весной 1943 г. был подтвержден высокий уровень грунтовой воды, а в могиле № 5 грунтовая вода доходила до верхнего слоя трупов (стр. 47 строка 6 снизу). В другие времена года трупы лежали в песке и сухой среде. Понятно, что если учесть то, что трупы часть года лежали во влажной, а другую часть года в сухой среде, то определяя время возникновения посмертных изменений нельзя брать для сравнения изменения трупов, постоянно пребывающих в воде либо в сухой среде. Ввиду отсутствия до сих пор научных исследований, касающихся определения времени развития и степени разложения трупов при такого рода изменяемых условиях среды, нельзя делать точные выводы, касающиеся времени, когда наступило жировосковое изменение трупов катынских жертв.

Поскольку наивысший слой трупов в катынских захоронениях лежал приблизительно на уровне 1,5 м под поверхностью земли, то можно не сомневаться в том, что вследствие такой глубины захоронений насекомые не могли существенно повлиять на разложение трупов и в первый период разложение было вызвано аутолизом, а также микробами из самих трупов, не принимая во внимание вид почвы и присутствие грунтовой воды. По причине значительной пропускной способности жидкости в песчаных почвах, образующиеся из катынских жертв жидкие продукты распада могли быть сопровождаемы вниз относительно уровня грунтовых вод, и могли быть ими смыты и в следующий раз выведены с водой. Также существовало очень значительное давление земли, потому что оно составляло 60 немецких центнеров¹ на м² на наивысший уровень трупов, вследствие давления в период аутолитических и размягчающих процессов в этом первом периоде разложения трупов тканевые жидкости вытеснялись на поверхность трупов. Это очень значительное давление вызвало также спрессованность, особенно нижнего слоя трупов в плотную массу, не позволяющую разделить отдельные трупы, а также жидкие продукты распада трупов пропитали одежду жертв и все это вместе с толщиной земли в 1,5 м затрудняло доступ воздуха к трупам, в виду чего аэробные микробы не могли продолжать свою жизнедеятельность и поэтому разложение трупов задержалось, или по крайней мере сильно замедлилось, в то время как во время второго периода возникли условия для жировоскового преобразования.

Насколько быстро проходило это жировосковое преобразование нельзя сказать даже приблизительно не только из-за изменения уровня грунтовых вод в катынских захоронениях, но и по причине склеивания останков слоями. Однако до сих пор осмотр и экспериментальные исследования касались отдельных трупов, пребывающих в неизменной среде, таким образом, отсутствует возможность сделать сравнение. Вообще такого рода многочисленные массовые захоронения, как в Катыни, а также условия,

¹ Немецкий центнер (Ztr. — Zentner) составляет 50 кг. — *Прим. пер.*

при которых трупы разлагались, можно признать почти за уникальные. В научной литературе удалось найти упоминания о подобных наблюдениях только в двух случаях. Первый относится к массовым захоронениям в Париже в конце XVIII в. и в середине XIX в., другой — к исследованию массовых захоронений в Виннице¹ летом 1943 г. В обоих случаях, однако, условия для разложения трупов отличались от Катыньских, чтобы можно было сделать аналогичные выводы или хотя бы провести сравнительный анализ. Хотя нельзя сомневаться в том, что некоторые условия, которые существовали в массовых захоронениях в Катыни, влияли на посмертные изменения трупов с опозданием, другие же — с опережением. Однако провести точную классификацию этих условий и определить насколько значительным было ускоренное либо замедленное влияние этих условий невозможно, поскольку мы до сих пор не располагаем точными систематическими исследованиями в этом направлении.

После раскопок отдельных массовых захоронений, особенно 2, 3, 4, 5, 6, 7, в зависимости от положения трупов были отмечены разные формы разложения тел. Части тел трупов с верхнего уровня, не покрытые одеждой, т. е. лицо, шея, руки, находились в состоянии гниения; половые органы были размокшими, часто не было губ. Другие трупы с верхнего слоя были даже частично скелетированы на черепе и руках, другие же трупы с верхнего уровня были замумифицированы на выступающих частях тела, таких как ушные раковины, шея, кожа лица и рук. Глазные яблоки по большей части ввалились и высохли. На трупах, лежащих в средних и нижних слоях, а особенно на тех, которые находились в грунтовой воде, после освобождения от одежды были видны жировосковые изменения на туловище и конечностях, а именно: серо-белая зернистая поверхность без эпидермиса и подкожной жировой ткани. Эти массы жировоска были с острым запахом прогорклого жира и ими пропиталась одежда и покрылись сапоги. После снятия обуви было также хорошо видно, что голени и стопы были законсервированы (стр. 50 абзацы 3 и 4). Внешние органы были скорченные, сухие, однако хорошо сохранили свой вид и форму (стр. 54 строка 7 сверху). Сердце плоское, сердечная мышца серой окраски. Легкие впалые, сухие, безвоздушные. Хрящи трахеи хорошо сохранились. Селезенка плоская и скорченная, ее мякоть была окрашена в черный цвет, иногда расплывчатая, однако ее всегда можно было распознать. Печень сильно скорченная, плоская, сухая, серо-бурая, разрез не сохранил рисунка, свойственного печени. Почки сильно приплюснуты, при разрезе грязно-коричневые с затертым рисунком. В то время как надпочечники во многих случаях хорошо сохранились, были натурального золотисто-бурого цвета. Желудок, тонкий и толстый кишечник, особенно

¹ Винница (укр. *Вінниця*) — город областного значения, административный центр Винницкой области Украины. Город расположен на берегах Южного Буга. — *Прим. пер.*

аппендицит, хорошо сохранились. Головной мозг сильно скорченный, в большинстве случаев можно было распознать отдельные части мозга и даже извилины, кора мозга грязно-розового цвета, белое вещество белого цвета, в немногочисленных случаях мозг был изменен в однородную глинистую массу, покрытую несколькими миллиметрами жирной, слоистой, серо-белой жирной субстанции (стр. 54–55).

Если вышеупомянутые посмертные изменения трупов жертв Катыни все эксперты описывают более или менее единодушно, то существуют противоречивые мнения в описании жировосковых изменений, а также в выводах, касающихся времени смерти жертв. Достаточно привести только несколько примеров. Эксперт Гаек в протоколах двух произведенных им вскрытий ни одним словом не упоминает о жировосковых изменениях (стр. 129–133). Эксперт Пальмери на основании только частичного жировоскового преобразования трупа утверждает, что смерть наступила более года назад (стр. 128 строка 16 сверху). Эксперт Орсос, при описи трупа № 835 (помещенном во внешнем осмотре) различает отдельные части мозга и извилины, а также отмечает розоватую окраску коры мозга и почти чисто белую окраску вещества сердцевины (стр. 120 строка 11–17 сверху), в то время как мозг трупа № 526 он описывает как однородную глинистую жижу, покрытую 4–6 мм. слоистой, розово-серой, твердой инкрустацией и на этом основании утверждает, что эти трупы были погребены, по меньшей мере, 3 года назад (стр. 123 последний абзац). Немецкие исследователи описывают целую гамму жировосковых изменений. Проф. Бутц в своем протоколе (стр. 49 строка 10 сверху) пишет, что тысячи эксгумированных трупов в большей или меньшей степени были подвержены жировосковым преобразованиям («Stadium einer mehr oder weniger fortgeschrittenen Leichenwachsbildung»); на стр. 51 (строка 3–8 сверху), что эти изменения относились только к подкожной жировой ткани и полное преобразование мягких частей конечностей нигде не наступило («Die fettwachsartige Umbildung hatte jedoch nur das Unterhautfettgewebe ergriffen». «Eine gänzliche Umwandlung der gesamten Weichteile der Gliedmassen in Fettwachs war also noch nirgends erfolgt»); на стр. 52 (строка 9 сверху) говорится о начинающемся и частично уже прогрессирующем образовании жировоска («im Sinne beginnender und teils auch fortgeschrittener Leichenwachsbildung»); на стр. 53 (строка 16 снизу), что полное преобразование всех мягких частей в жировоск еще не наступило («eine gänzliche Umwandlung der gesamten Weichteile in Leichenwachs noch nicht erfolgt war»), а двумя строчками ниже, пишет, что в известной степени в полостях тела и их органах было четко видно образование жировоска («In gewissem Grade zeigten aber auch die Körperhöhlen und ihre Organe deutlich beginnen de Leichenwachsbildung»). В конце концов, в своем резюме (стр. 93 строка 11 снизу) в целом он говорит о выраженном образовании жировоска. Также и второй немец-

кий эксперт др. Хубер (Huber) говорит о далеко зашедшем процессе образования жировоска (ausgedehnte Fettwachsbildung) в области позвоночника и ягодиц (стр. 96 пункт 17), а также обеих почек (стр. 97 пункт 23) и на основании степени разложения трупов он считает, что они находились в земле 3 года (стр. 98 строка 1 сверху).

Наверное, нескольких этих примеров достаточно, чтобы показать различия в определении степени посмертного изменения катынских трупов, а также в определении на этом основании времени пребывания трупов в земле, а следовательно, определения давности смерти. И из описания посмертных изменений не может быть сомнений в том, что жировосковое преобразование катынских трупов находилось только на начальной стадии, что внутренние органы еще сохранили свой вид и форму, и их всегда удавалось распознать, что даже такие органы, подлежащие быстрым посмертным изменениям, как надпочечники, хорошо сохранились и были окрашены в натуральный золотистый цвет (стр. 54 строка 4 сверху). И хотя проф. Бутц, сначала придерживаясь объективной точки зрения, на странице 58 (строка 6–11 сверху) своего протокола признает, что невозможно выдвинуть точных результатов, касающихся давности смерти по причине исключительного случая массовых захоронений в Катыни и условий, в которых они содержались, до тех пор, пока они научно не исследованы. Однако и он и международная медицинская комиссия в заключении утверждают (стр. 117 строка 31–38 сверху), что с момента смерти катынских жертв прошло 3 года. В качестве доказательства этого заключения подчеркивается большое значение (grosse Wichtigkeit) исследований Орсога, которые позволяют точно определить время смерти катынских жертв (стр. 58 строка 2 сверху) «die Möglichkeit, präzise Angabe zur Todeszeit-bestimmung der Katyner Leichen zu machen». Как упоминалось, Орсог утверждает, что при исследовании черепа трупа № 526 на поверхности уже глинистой гомогенизированной массы мозга была обнаружена многослойная инкрустация, изменение которой можно видеть только на тех трупах, которые лежали не менее 3-х лет в могиле (стр. 117 строка 7 снизу). Наблюдения Орсога, касающиеся определения давности смерти на основании этих изменений в мозге следует определить как исключительные, и в любом случае они еще не нашли подтверждения в научной литературе. Несмотря на тщательные поиски в научной литературе на всех известных европейских языках невозможно было найти его работы даже в пересказе, чтобы можно было ее подвергнуть критическому анализу, а также провести контрольные исследования. Как показывает опыт, многие работы, написанные даже серьезными учеными, не выдерживают пробы жизни и в свете контрольных исследований часто оказываются неточными и даже ошибочными, или же не получают право на существование среди методов судмедэкспертизы, которые по своему существу должны быть точными и надежными. Кстати

следует добавить, что сам Орсос, принимая участие в исследовании массовых захоронений (9432 трупа) в Виннице летом 1943 г., мог убедиться, что изменения в мозге, указанные им, не были подтверждены, несмотря на то, что эти захоронения признали более давними, чем в Катыни (5–6 лет). Также у трупов жертв, эксгумированных в форте в Кшеславицах, которые были убиты немцами во время расстрелов 1940–1942 гг., ни разу не наблюдались описываемые Орсосом изменения в мозге.

Мы не будем углубляться в то, почему члены международной медицинской комиссии опирались на утверждения Орсоса, а среди них и Пальмери, хотя он сам в протоколе исследования трупа (который он лично вскрывал) не принимает трехлетний период давности нахождения трупов в Катыни, а указывает, что трупы находились в земле не более одного года.

Нашей задачей, как врачей-экспертов, не является проблема рассмотрения с чем это было связано: с теми или иными внушениями или чувствами, вызванными господством в то время в Европе фашизма, или это было связано с созданными для комиссии условиями работы в Катыни. В любом случае, мы считаем, что показали достаточно много пробелов, ошибок и неточностей, чтобы можно было признать утверждения, сделанные немцами в публикации «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn» как материал, не выдерживающий точной научной критики, а тем самым признать его обладающим слишком большим пропагандистским характером. Делая такой вывод, мы использовали только точные предметные рассуждения, не позволяя ни одному чувству увлечь себя, памятуя, что все чувства всегда являются врагами трезвого мышления.

Настоящим удостоверяем, что согласно принципам науки и врачебного искусства, а также руководствуясь собственной совестью и сохраняя верность данной клятве, подаем к сведению и собственноручно подписываем.

/–/Проф. др. Я. С. Ольбрыхт

/–/Проф. др. С. Сенгалевич.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф.7021. Оп.114. Д.18. Л.1–37.